

Двадцать первый Хонъимбо¹, мэйдзин² Сюсай, скончался утром 18 января 1940 года в японской гостинице «Урокоя» в Атами. Ему было шестьдесят семь лет по японскому счету³.

18 января и Атами легко увязать между собой. 17-го, за день до, там вспоминают писателя Одзакки Коё. В тот день герой его романа «Золотой демон», юноша по имени Канъити, произнес на

¹ Название одного из четырех официальных домов го и одновременно фамилия. Дом Хонъимбо был основан в 1612 году, а закончил свое существование в 1940 со смертью мэйдзина Сюсаю. До сегодняшнего дня имя Хонъимбо используется как титул, разыгрываемый на турнирах. — *Здесь и далее примеч. перев., если не указано иного.*

² Мэйдзин — японский титул игроков в настольные логические игры, переводится как «мастер». В эпоху Эдо (1603—1868) и после возрождения го в эпоху Мэйдзи (1868—1912) — обозначение сильнейшего игрока девятого, наивысшего дана. Сейчас разыгрывается в турнирах. Дан (буквально «ступень») — мастерский разряд в го. Самый низший дан — первый, самый высокий — девятый. Ученические разряды в го носят название «кю» (буквально — «уровень») и измеряются от тридцатого к первому. За первым кю следует первый дан. Система данов и кю была разработана изначально для го, а затем уже стала применяться и в других играх.

³ По японской традиции отсчет лет ведется от зачатия.

берегу моря в Атами известные слова «О луна, луна этой январской ночи»¹. А мэйдзин Сюсай умер на следующий день.

Ежегодно 17 января устраиваются разнообразные литературные события. В год смерти мэйдзина праздник проходил с большой помпой. Кроме мемориальной службы по Одзаки Коё, а также другим писателям, чья жизнь была связана с этим местом — Такаяме Тёгю и Цубоути Сёё, — трем авторам, которые за прошлый год сочинили произведения об Атами — Такэде Тосихико, Осараги Дзиро и Хаяси Фусао, — вручали благодарственные письма от мэрии. Я также присутствовал на празднике.

Вечером 17 января мэр Атами устроил банкет в гостинице «Дзюраку», где остановился и я. А на рассвете меня разбудил телефонный звонок — сказали, что умер мэйдзин. Я сразу же отправился в «Урокою», чтобы отдать последнюю дань уважения покойному, а затем вернулся в свою гостиницу, откуда после завтрака вместе с писателями и распорядителями торжеств мы отправились возложить цветы на могилу Цубоути Сёё, а затем — в сливовый сад, на очередной банкет в павильоне «Бусёан». Но там я не досидел до конца и снова возвратился в «Урокою», чтобы сделать посмерт-

¹ Одзаки Коё (1867–1903) — известный японский писатель-романист. Самым известным из его произведений стал роман «Золотой демон» (1897) о несчастной любви бедного студента Канъити к девушке по имени О-Мия. Его монолог, обращенный к О-Мия, был произнесен 17 января в Атами.

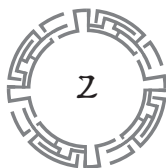
ный снимок мэйдзина и проводить его останки в последний путь до Токио.

Мэйдзин приехал в Атами 15-го января, а умер 18-го. Он будто бы приехал сюда умереть. Днем 16-го я навестил его, и мы сыграли две партии в столь любимые им сёги¹. Вечером мэйдзин почувствовал недомогание. Значит, эта игра стала для него финальной. Так вышло, что я вел репортаж с последней партии мэйдзина, я сыграл с ним последнюю партию в сёги и я же сделал его последний (уже посмертный) снимок.

Знакомство мое с мэйдзином началось, когда токийская газета «Токио Нити-нити симбун» (теперь «Майнити симбун») предложила сделать репортаж о прощальной игре мэйдзина, которую сама же организовала. Игра вышла совершенно беспрецедентной по размаху. Она началась 26 июня в токийском ресторане «Коёкан» в парке Сиба и завершилась 4 декабря в гостинице «Данкоэн» в Ито. Четырнадцать встреч двух игроков заняли почти полгода.

Мои репортажи появились в шестидесяти четырех номерах газеты. В середине августа мэйдзин заболел, поэтому партия прервалась на три месяца, до середины ноября. Его болезнь оказалась тяжелой и придала игре трагический оттенок. Может, поэтому партия и стала роковой: после нее мэйдзин не смог оправиться. Прошло чуть больше года — и он скончался.

¹ Сёги — популярная японская настольная игра шахматного типа.

Строго говоря, мэйдзин закончил игру в 14 часов и 42 минуты 4 декабря 1938 года. Последним был 237-й ход черных.

Как только мэйдзин молча поставил камень на свободное дамэ¹, судья, шестой дан Онода, спросил:

— Пять очков разницы?

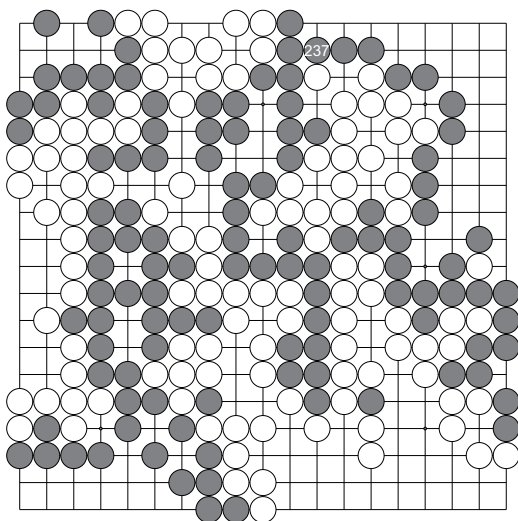
Он явно относился к мэйдзину с почтением и сочувствием и хотел избавить его от необходимости заполнять нейтральные пункты, как принято в конце игры, чтобы не делать проигрыш в пять очков очевидным.

— Да, пять очков, — тихо проговорил мэйдзин и, больше не трогая камни, посмотрел куда-то вверх сквозь опухшие веки.

Никто из собравшихся не проронил ни слова. Чтобы развеять гнетущую обстановку, мэйдзин спокойно сказал:

— Не попади я в больницу в августе, закончили бы еще в Хаконэ...

¹ Дамэ (букв. «нельзя») — незанятый, нейтральный пункт на гобане (доске для игры в го).

Затем он спросил, сколько времени ушло на саму игру.

— Девятнадцать часов и пятьдесят семь минут у белых... без трех минут половина отведенного времени, — сказал молодой игрок, который записывал ходы. — У черных — тридцать четыре часа и девятнадцать минут...

Обычно в партиях го высокого ранга игрокам на обдумывание ходов отводят по десять часов, однако здесь время было увеличено в четыре раза — до сорока. И тем не менее, потратив тридцать четыре часа, черные поставили рекорд. Такое вряд ли случилось за все время существования регламента времени в го.

Игра закончилась без малого в три, и прислуга внесла закуски. Все молча рассматривали доску.

— Не хотите ли сируко¹? — спросил мэйдзин у соперника, седьмого дана Отакэ².

Молодой игрок седьмого дана по окончании игры только сказал мэйдзину: «Спасибо», а теперь опустил голову и сидел не шелохнувшись. Руки его лежали на коленях, лицо заметно побледнело.

Вслед за мэйдзином, собиравшим белые камни, седьмой дан принялся складывать в чашу черные. Мэйдзин, как ни в чем не бывало, поднялся и вышел, никак не прокомментировав игру. Седьмой дан тоже молчал. Вот если бы он проиграл, то наверняка бы высказался.

Я вернулся к себе в номер и, невзначай выглянув в окно, заметил на скамейке седьмого дана, уже успевшего переодеться с поразительной быстротой. Скрестив руки и опустив побледневшее лицо, он сидел, мрачный и погруженный в раздумья, среди огромного пустынного сада, над которым нависали зимние вечерние тучи.

Я открыл стеклянную дверь на веранду и подождал его: «Отакэ, Отакэ». Седьмой дан лишь раздраженно обернулся. Кажется, на глазах у него были слезы.

¹ Сируко — японский десерт, каша из фасоли адзуки, которая подается вместе с пирожками из рисового теста — моти.

² Партия, описываемая в книге, в действительности состоялась между Хонъимбо Сюсаем и Китани Минору (1909—1975), одним из самых именитых японских игроков в го, который послужил прототипом седьмого дана Отакэ.

Только я отошел от окна, как ко мне заглянула супруга мэйдзина, чтобы поблагодарить:

— Спасибо вам огромное, вы ведь столько всего сделали.

Пока мы обменивались репликами, седьмой дан Отакэ ушел. И вскоре, опять переодевшись с той же быстротой, на этот раз в формальное кимоно с гербами, он вместе с женой отправился благодарить мэйдзина и распорядителей. Заглянул он и ко мне.

Я тоже отправился к мэйдзину с благодарностями.

На следующий день все: и распорядители, и участники, спешно разъезжались домой после полугода игры. Как раз должны были пустить поезда между Атами и Ито.

Оживленная главная улица Ито, куда теперь вела железная дорога, пестрела новогодними украшениями, готовая принять новогодних визитеров на горячие источники. Я длительное время безвылазно пребывал в гостинице вместе с игроками, в «консервной банке», как говорится, и теперь возвращался домой на автобусе, а яркие украшения за окном дарили чувство освобождения, будто я наконец выбрался из пещеры. Даже выстроенные наспех дома и грунтовые дороги у новой станции в своем первозданном хаосе казались мне проявлениями живого внешнего мира.

Когда автобус покинул Ито и поехал вдоль берега моря, навстречу попадались женщины с вязанками хвороста на спине. Близился Новый год, и одни держали папоротник в руках. Другие несли его в вязанках вместе с хворостом. Вдруг я осознал, насколько соскучился по человеческому общению. Как будто после долгого горного перехода я наконец увидел дым, поднимавшийся от крыш людских

домов. Я тосковал по повседневной жизни, по приготовлениям к Новому году. Ведь я только что покинул весьма необычную обстановку. Женщины наверняка несли хворост, чтобы развести на нем огонь для обеда. Тусклое, словно не знакомое с лучами солнца, море вдруг приняло пасмурный, зимний оттенок.

В автобусе я вспомнил о мэйдзине. Может, по людям я и скучал оттого, что старый мэйдзин настолько запал мне в душу.

После того, как все разъехались, в гостинице Ито остались только мэйдзин и его супруга. Вряд ли «непобедимый мэйдзин» хотел задерживаться там, где проиграл свою прощальную партию. Да и чтобы отдохнуть и от игры, и от тревог за здоровье, следовало бы побыстрее переменить обстановку. Но все это его как будто не волновало. И распорядители, и я, репортер, при первой же возможности буквально сбежали из Ито. Мэйдзин же остался там один. А может, он, как обычно, сидел с отсутствующим видом, предоставив чужой фантазии приписывать неведомые ему уныние и печаль.

Седьмой дан Отакэ, его противник, уехал почти сразу. В отличие от бездетного мэйдзина, в доме у него было людно.

Года через два жена Отакэ написала мне, что у них живут «шестнадцать человек». Эти «шестнадцать» очень соответствуют характеру Отакэ, или скорее его стилю жизни, и мне захотелось навестить их. Я пришел выразить соболезнования по случаю смерти отца седьмого дана, когда вместо «шестнадцати» в доме осталось пятнадцать. Прошел месяц после похорон. То был мой первый

визит: седьмой дан Отакэ отсутствовал, а его жена радостно проводила меня в приемную. Когда мы обменялись необходимыми любезностями, жена подошла к двери и сказала кому-то:

— Зовите всех.

С громким топотом в приемную выбежали пятеро или шестеро подростков. Они встали навтыжку. Наверное, это были ученики седьмого дана, от двенадцати до двадцати лет от роду, но среди них затесалась высокая, крепкая, краснощекая девочка.

Жена Отакэ представила меня:

— Поздоровайтесь с сэнсэем.

Ученики стали кланяться как заведенные. Я почувствовал всю сердечность такого приема. И выглядело все не нарочито, а напротив, крайне естественно. Вскоре ученики вышли из приемной, и теперь гул их голосов разносился по всему дому. По совету супруги я поднялся на второй этаж, где они играли тренировочные партии. Жена седьмого дана по очереди выносила им еду, и я засиделся допоздна.

Шестнадцать человек вместе с учениками. Седьмой дан был единственным молодым игроком, у которого уже было столько учеников. Конечно, в этом и коренилась популярность и достаток Отакэ. Но он любил их как семью.

Во время последней партии мэйдзина седьмой дан, сразу же вернувшись в номер, позвонил жене по телефону из «консервной банки»:

— Сегодня мы с сэнсэем доиграли до такого-то хода.

И хотя он из тактичности сообщал об игре только это, раз услышав голос седьмого дана из номера, я не мог не проникнуться к нему симпатией.